

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А.И. ГРУЗДЕВА (К 110-летию со дня рождения)

В статье приводятся убедительные доводы А.И. Груздева, касающиеся атрибуции поэмы Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос», основанные на его текстологических поисках и до сих пор не учтённые в современных изданиях произведений поэта. Раскрывается вклад А.И. Груздева в изучение поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в исследование цикла «декабристских» поэм. Утверждается, что учёный одним из первых обратил внимание на православно-христианскую основу поэтического мирозерцания Некрасова. В статье показана роль А.И. Груздева в воспитании целой плеяды костромских литературоведов.

Ключевые слова: историко-литературное наследие, текстологические наблюдения, атрибуция, жанровое своеобразие, руководство аспирантами.

Александр Иванович Груздев (1908–1981) принадлежал к славной плеяде историков русской литературы, оформившейся в стенах Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена под руководством известного литературоведа и педагога Василия Алексеевича Десницкого.

На долю поколения А.И. Груздева выпала нелёгкая фронтальная судьба, оборвавшая в лучшие годы молодости многие планы и начинания. А.И. Груздеву пришлось вернуться к ним лишь в 1946 году, вернуться опалённым войной, прошедшим суровую и жестокую школу жизни.

Именно в послевоенные годы, в зените жизненного опыта, наступил расцвет научно-педагогической деятельности А.И. Груздева. Круг его интересов был очень широк и многосторонен: творчество С.Т. Аксакова, И.А. Гончарова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, которому А.И. Груздев посвятил специальную монографию, большая текстологическая работа над изданием собраний сочинений Н.С. Лескова, Н.А. Добролюбова, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др.

Однако основным «героем» исследовательских статей и книг А.И. Груздева оказался Н.А. Некрасов. В октябре 1963 года я поступил в аспирантуру при кафедре истории русской литературы ЛГПИ им. А.И. Герцена. Александр Иванович, который тогда заведовал этой кафедрой, стал моим научным руководителем. Выбор темы кандидатской диссертации «Поэмы Н.А. Некрасова второй половины 1850-х годов (“Несчастные” и “Тишина”))» был вдохновлён им.

Перу Александра Ивановича принадлежит цикл текстологических исследований, среди которых особенно выделяются статьи о «Кому на Руси жить хорошо». Тщательно изучив творческую историю поэмы, её автографы, прижизненные публикации, мемуары и письма современников поэта, он восстановил отвечающий замыслу Некрасова и логике развития художественных образов его произведения порядок расположения частей в поэме, при-

нятый теперь в большинстве научно проверенных её изданий.

Текстологические открытия А.И. Груздева нашли убедительное подкрепление в работах, посвящённых целостному анализу поэмы. В специальных статьях и монографии о «Кому на Руси жить хорошо» учёный опроверг устойчивое мнение о незавершенности поэмы, согласно которому она представляет собою лишь фрагменты неосуществленного замысла. Он исследовал внутреннюю динамику сюжета поэмы – рост народного самосознания – и увидел в так называемой «фрагментарности» композиции глубокий содержательный смысл, обусловленный эпической её природой.

Работы А.И. Груздева о «Кому на Руси жить хорошо» известны сейчас не только специалистам. Они популярны в среде студентов-филологов и учителей русского языка и литературы. Он был одним из редакторов пятого тома Академического собрания сочинений Н.А. Некрасова, целиком посвящённого поэме «Кому на Руси жить хорошо» и вышедшего в свет уже после его смерти. В результате тщательной текстологической работы Александр Иванович внёс существенные поправки в канонический текст поэмы, обновлённый в соответствии с последней волей поэта. Учёный исключил из него строки о Григории Добросклонове, вычеркнутые Некрасовым в автографе, но произвольно восстановленные советскими литературоведами по причине их «революционного» звучания:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

В статье «О спорном четверостишии в поэме Н.А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”» А.И. Груздев сделал вывод, что этот отрывок «не согласуется с основной идеей поэмы. Некрасов устранил из “Пира” не только стихи о чахотке и Сибири, но и мысль о возможности безвременной кончины Гриши и главное – об отсутствии

счастливого на Руси. В результате системы авторских правок изменилась центральная идея произведения. Историки литературы не имеют права не замечать столь значительной авторской правки текста» [1, с. 193].

С другой стороны, исследователь убедительно обосновал необходимость включения в канонический текст «Пира на весь мир» очень значимых стихов о формировании мировоззрения главного героя поэмы Григория Добросклонова:

С бурлака мысли Гришины
 Ко всей Руси загадочной,
 К народу перешли.
 (В те времена хорошие
 В России дома не было,
 Ни школы, где б не спорили
 О русском мужике.)
 Ему всё разом вспомнилось,
 Что видывал, что слыхивал,
 Живя с народом, сам.
 Что думывал, что читывал,
 Всё – даже и учителя,
 Отца Аполлинария,
 Недавние слова:
 «Издравле Русь спасалася
 Народными порывами».
 (Народ с Ильею Муромцем
 Сравнил учёный поп.)
 И долго Гриша берегом
 Бродил, волнуясь, думая,
 Покуда песней новою
 Не утолил натруженной.
 Горящей головы. [5, с. 233]

Так в число наставников отрока попадает не только народ, но и учитель духовной семинарии отец Аполлинарий, народолюбец и патриот. Его историческая мудрость тоже формирует ёмкий поэтический смысл сочинённой Гришей финальной песни «Русь».

Большой вклад внёс А.И. Груздев в изучение шедевра некрасовского творчества – поэмы «Мороз, Красный нос». В обстоятельной и глубоко аргументированной работе, бесспорно лучшей в числе исследований, посвящённых этой поэме, он показал, что «Мороз, Красный нос» является произведением эпохального масштаба, выводящим поэтический эпос на новые пути. Сквозь бытовой сюжет просвечивает у Некрасова эпическое событие. Испытывается на прочность крестьянский семейный союз. Показывая семью в момент драматического потрясения её устоев, Некрасов держит в уме общенародные испытания. «Века протекали!» В поэме, по утверждению А.И. Груздева, это не поэтическая декларация: всем содержанием, всем метафорическим строем поэмы Некрасов выводит сиюминутное событие к вековому течению российской истории, крестьянский быт – к всенародному бытию.

Коснусь некоторых эпизодов нашего общения в ходе работы Александра Ивановича над этой поэмой. Однажды он обратился ко мне с вопросами текстологического характера, связанными с автографами Некрасова в «Записной тетради № 4», хранившимся в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина:

«Дорогой Юрий Владимирович, я на несколько дней выбрался в Москву и работал в Ленинской библиотеке над теми документами, над которыми в своё время трудились Вы. Мне не вполне понятно происхождение и назначение некрасовской «Записной тетради № 4». Как Вы помните, она открывается поэмой «Несчастные», авторизованной 1856 годом. Затем идёт стихотворение «Детская комедия» («Крестьянские дети») с пометой под текстом: «1861. Грешнево, 14 июля». Затем – «Тишина» в какой-то ранней редакции, с пометой «8 дек. 1856. Рим». Затем идут стихотворения, написанные в 1861 г: «Ты как подёнщик...», «Похороны», «Коробейники» и др.

Как Вы думаете: 1) Была ли эта тетрадь в Риме? 2) Писались ли «Несчастные» и «Тишина» в эту тетрадь в 1856 г. или переписаны позднее? 3) Если поэмы «Несчастные» и «Тишина» писались в этой тетради в Риме, то как попали между ними «Крестьянские дети», созданные в 1861 году?

Напишите, пожалуйста, что Вы обо всём этом думаете. Только, если возможно, не откладывайте ответа. В прошлом году весной мы с Вами «перебросились» записками очень мобильно. Пусть и с этим письмом будет так же. Ваш А. Груздев. 8.10.70. Москва».

Помнится, что в ответном письме я изложил Александру Ивановичу свою версию так: автографы сшивались в тетрадь позднее, возможно, в конце 1861 года, и «перегнутый» надвое листок с автографом «Тишины» случайно попал в переплёт после «Крестьянских детей». О том, что автографы «Несчастных» и «Тишины» были написаны именно в 1856 году, свидетельствует сходство их почерка, одинаковый цвет чернил и т. д. А все вещи, созданные в 1861 году, включая «Крестьянских детей», написаны более аккуратно и мелко с более ярким цветом чернил. Известно, что с годами почерк у человека меняется. И на данном примере это очевидно.

Откликаясь на мои текстологические догадки, Александр Иванович писал: «Дорогой Юрий Владимирович, благодарю Вас за скорый и содержательный ответ. Ваши наблюдения, раздумья и приложение мне помогли. Некоторые вопросы у меня ещё остаются, мне хочется с Вами ещё раз побеседовать, тем более что в конце письма Вашего – тронувшая меня приписка, что Вы согласны говорить на эту тему как угодно долго.

Напомню Вам некоторые даты:

а. «Ты как подёнщик...» – под текстом: «1861, 14 июля», над текстом: «7 июля».

б. «Похороны» – под текстом: “1861, июль 22–25”.
в. «Коробейники» – над текстом: “25” августа”,
под текстом: “25 авг. 1861”.

Далее на листе 60 идёт “По дороге зимой” – без даты.

На обороте листа 60 – “Литература с трескучими фразами...”

Допустим, что переплётчик сшил листы с текстом “а, б, в” правильно и последовательно (доказательство – авторская датировка). А затем, допустим, что он действовал наугад и так же наугад, вшил листы. Но “Литература с трескучими фразами” написана на обороте листа 60. А на лицевой стороне листа 60 записано “По дороге зимой”. Следовательно, “По дороге зимой” написано раньше “Литературы с трескучими фразами” и создавалось не позднее 1862 года. Но ведь тогда для датировки “Мороза” потребуется иная дата: 1861–1863, или, опять-таки, в крайнем случае, 1862–1863! Вот что меня занимает.

Уже полтора месяца пишу о “Морозе”, написал листа 2 и конца пока не вижу. Правда, датировка, о которой я Вас спрашиваю, мне для работы пока не очень нужна. Мне Ваши текстологические соображения потребуются потом. Если Вы ответите, как и на моё первое письмо, буду рад и благодарен. Ваш А. Груздев».

Не помню, что я ответил тогда своему учителю. Статью «“Мороз, Красный нос” – эпическая поэма нового типа», о работе над которой шла речь в письме, Александр Иванович опубликовал в сборнике «О Некрасове. Статьи и материалы. Выпуск IV. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1975». Но вопросов атрибуции поэмы он в ней так и не коснулся. Не учла его наблюдений и О.Б. Алексеева, комментируя «Мороз» в четвёртом томе академического Некрасова и проставляя такие даты работы над поэмой: 1863–1864 [4, с. 556–562].

А между тем отнесение начала работы над «Морозом» к 1862-му году существенно меняет представление об историческом контексте, побудившем Некрасова к созданию этой поэмы. Замысел «Мороза» обычно связывают с польским восстанием 1963 года, жестоко подавленным правительством, и с наступившим спадом общественного движения, когда радикально настроенная интеллигенция потеряла веру в народ.

А.И. Груздев показывает, что зерно поэтического замысла «Мороза» созрело значительно ранее, почти одновременно с завершением работы над поэмой «Коробейники». Некрасов пребывал тогда в состоянии тревоги и растерянности [3, с. 239–332]. По доносу провокатора В. Костомарова 14 сентября 1861 года был арестован М.Л. Михайлов и приговорён к шести годам каторжных работ с пожизненным поселением в Сибири. 17 ноября 1861 года умер Н.А. Добролюбов. В июне был при-

остановлен на 8 месяцев «за вредное направление» журнал «Современник». 7 июля 1862 года заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости Н.Г. Чернышевский.

Потеряв верных друзей и оказавшись не у дел, 30 ноября Некрасов получил известие о смерти отца. В первых числах декабря он приехал в Грешнево, занимался там строительством нового родового склепа у алтаря Благовещенской церкви села Абакумцева рядом с могилой матери, хлопотал об устройстве на собственные средства начальной школы для крестьянских детей. Тогда же совершался раздел отцовского имени между братьями и сестрой поэта Анной Алексеевной Буткевич.

Вероятнее всего, в начале декабря 1862 года, по пути из Ярославля в Грешнево, и было написано Некрасовым стихотворение «По дороге зимой» – зерно замысла поэмы «Мороз, Красный нос»:

Савраска увяз в половине сугроба, –
Две пары промёрзлых лаптей
Да угол рогожей й покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.
Старуха, в больших рукавицах,
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу – должно полагать.
Привычная дума поэта
Вперёд забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избёнка в деревне стоит,
В избушке – телёнок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.
Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

(ГБЛ, «Записная тетрадь № 4», л. 60)

В контексте случившихся в 1861–1862 годах событий становятся понятными строки *Посвящения сестре поэта Анне Алексеевне*, которым открывается поэма «Мороз, Красный нос»:

Буря воеет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблёлкли листы
В ночь, как бедная мать умирала... [4, с. 78]

Есть все основания признать неопровержимыми наблюдения А.И. Груздева и атрибутировать работу Некрасова над поэмой «Мороз, Красный нос» 1862–1863 гг.

В 1971 году А.И. Груздев успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Поэмы Н.А. Некрасова 1860–1870-х гг. (Природа жанра)». Я был

на его защите и писал своим друзьям в Кострому: «Нахлынула тьма народу, все ленинградские “киты” присутствовали. Дело затянули оппоненты, которых к концу защиты никто уже не слушал. А.М. Докусов озвучивал свою речь более часа (его отзыв оказался около 20-ти страниц). Потом выступали И.Г. Ямпольский и С.А. Рейсер. Но Александр Иванович блестяще разрушал этот скучный ритуал. Он был на высоте! Его ответы оппонентам, живые и остроумные, постоянно вызывали аплодисменты в аудитории».

В диссертации Александр Иванович проявлял пристальный интерес к проблемам жанрового своеобразия некрасовских поэм. В монографии «Декабристский цикл поэм Некрасова», опубликованной в Ленинграде в 1976 году, он настаивал на том, что поиски видовой и жанровой определённости – отнюдь не формальное дело. Жанр поэмы – это «произведение большой мысли, значительного содержания. Судьбы народа и нации, судьбы личности в их сложном переплетении с народными судьбами, прошлое и настоящее страны, закономерности её развития определяют художественный мир поэмы, составляют её основу». В конкретном исследовании поэм декабристского цикла А.И. Груздев убедительно показал, что некрасоведы, игнорирующие жанровую специфику поэтического эпоса Некрасова, приземляют и неоправданно обытовляют высокий, поэзный пафос его творчества.

По-новому охарактеризовал А.И. Груздев и причину обращения Некрасова к декабристской теме. Он увидел её в отрицательной реакции поэта на «Нечаевский процесс». Если Достоевский откликнулся на него романом «Бесы», то Некрасов – поэмами «Дедушка» и «Русские женщины». Некрасов избрал тактику, отличную от Достоевского. Он действовал «от противного»: его герои-декабристы были своеобразным упрёком той революционно-материалистической бездуховности, которая глубоко потрясла и встревожила поэта.

Александр Иванович одним из первых русских некрасоведов обратил внимание на православно-христианскую основу поэтического мирозерцания Некрасова. Он подметил, например, что библейские строки поэмы «Дедушка» «задают высокий тон, определяют её атмосферу. Возвратившийся из ссылки дедушка торжественно снимает с шеи “образ распятого Бога”. Поэту дорога такая ассоциация – пострадавший, распятый за людей Христос и пострадавший за людей, возвратившийся в родные края старец» [2, с. 85]. Все народные заступники у Некрасова, в отличие от нигилистического уклона, свойственного реалиям революционного движения тех лет, напоминают русских святых.

В декабре 1978 года, на кафедре литературы ЛГПИ им. А.И. Герцена отмечали 70-летие

А.И. Груздева. На этом юбилее я сказал о своём учителе такие слова: «Дорогой Александр Иванович! Я выступаю здесь не только от себя лично, но и от целой группы Ваших учеников, от целой колонии костромичей-герценовцев. Это, прежде всего, Б.М. Козлов, Н.А. Лобкова и я, но это и А.В. Торопова, А.М. Крупышев, Л.Д. Волкова и другие. По сути – от имени и по поручению всей кафедры русской и зарубежной литературы Костромского педагогического института имени Н.А. Некрасова.

Мы долго обсуждали с друзьями и коллегами, какое самое отличительное свойство характера Александра Ивановича ценили и ценим мы – ученики нашего юбиляра? Чем он нам особенно близок и дорог? И мы решили, что первое и главное достоинство Александра Ивановича – мудрость. Мудрость как особое качество ума, приобретаемое не книжными знаниями только, но прежде всего суровым жизненным опытом, ощущением жизни в её глубоких, почвенных основах.

Как человек и педагог Александр Иванович не речист и не многословен. Но именно в этой внутренней сдержанности и не суетности – главное достоинство его ума. Вспоминается мне по этому поводу один эпизод из аспирантской жизни. Известно, что Александр Иванович бережно и чутко относится к творческим возможностям аспиранта. Его свободу он ничем не сдерживает и не сковывает. Но когда следует, он бывает очень требователен и крут.

Помню, что в одной из глав своей диссертации я, окрылённый первыми успехами и щедрыми одобрениями своего руководителя, слишком широко размахнулся пером. Получилось, как мне казалось тогда, и умно, и красиво, и я с победными ожиданиями вручил текст моему учителю.

Александр Иванович взял всё это и вернул мне рукопись с лукавой усмешкой, не сделав ни одного замечания. Дома, как всегда, лихорадочно перелистал я страницу за страницей – ни одной заметки на полях. Полный успех! Добираюсь до последней странички и – о, ужас – в конце рукописи крупными буквами рукою Александра Ивановича написано следующее: “О, друг мой, Юрий Владимирович, об одном прошу тебя – не говори красиво!” Острое чувство правды-истины, идущей от глубинных национальных корней, является драгоценным качеством мудрого человека и бережного руководителя.

Вообще Александр Иванович часто повторял с укоризною в наши аспирантские годы слова своего любимого поэта Н.А. Некрасова, относя их к некоторым нашим научным сочинениям:

Верить, не верить – ему всё равно,

Лишь бы доказано было умно! [4, с. 25]

Дорогой наш учитель, примите от костромичей скромный подарок – герб нашего города, выполненный Красносельскими ювелирами. Низкий

поклон Вам за то, что Вы вдохнули жизнь в паруса костромской литературной ладьи».

Александр Иванович ушёл из жизни 5 декабря 1981 года. Горькую весть об этом получил я от Николая Николаевича Скатова: «Юра, дорогой. Схоронили мы Александра Ивановича, если это называется “схоронили” (в крематории – там и ритуал весь был). Всё прошло достойно. Приезжали Вида, Люба Ильина из Вильнюса, Полякова из Архангельска. Потом помянули.

Ленинград, конечно, опустел. Для меня и для Вас, во всяком случае.

Какое-то утешение, что я не поддался нажимам, и он до конца был на кафедре.

В пятницу были на дне его рождения, а в субботу – за столом – почти с шуткой и в хорошем настроении: только два раза вздохнул. Лёгкая смерть, как говорят...».

Библиографический список

1. *Груздев А.И.* О спорном четверостишии в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Вопросы истории русской литературы. Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Ленинград, 1961. – Т. 219. – С. 187–194.

2 *Груздев А.И.* Поэма Некрасова «Дедушка» // О Некрасове. Статьи и материалы. Выпуск 3. –

Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1971. – 336 с.

3. Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова. Том второй. 1856–1866. – СПб.: Наука, 2007. – 555 с.

4. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем в 15 т. – Т. 4. Поэмы 1855–1877 гг. – Л.: Наука, 1982. – 656 с.

5. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем в 15 т. – Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. – Л.: Наука, 1982. – 688 с.

References

1. Gruzdev A.I. O spornom chetverostishii v poehme N. A. Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» // Voprosy istorii russkoj literatury. Uchyonye zapiski LGPI im. A. I. Gercena. – Leningrad, 1961. – T. 219. – S. 187–194.

2 Gruzdev A.I. Poehma Nekrasova «Dedushka» // O Nekrasove. Stat'i i materialy. Vypusk 3. – Yaroslavl': Verhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. – 336 s.

3. Letopis' zhizni i tvorchestva N.A. Nekrasova. Tom vtoroj. 1856–1866. – SPb.: Nauka, 2007. – 555 s.

4. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem v 15 t. – T. 4. Poehmy 1855–1877 gg. – L.: Nauka, 1982. – 656 s.

5. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem v 15 t. – T. 5. Komu na Rusi zhit' horosho. – L.: Nauka, 1982. – 688 s.